

современному извѣстію, тѣло Бориса Годунова, оглашеннаго чародѣемъ, было извергнуто изъ могилы (въ Архангельскомъ соборѣ) чрезъ нарочно сдѣланный въ стѣнѣ проломъ. Въ современномъ быту, когда умирающій долго томится, то, чтобы помочь душѣ его выйти изъ тѣла, считаютъ нужнымъ приподнять въ потолокъ *матицу* (отсюда и народная примѣта— «матица трещить, ктонибудь умреть»). Колдуны, по народнымъ рассказамъ, всегда долго томятся въ предсмертныхъ мукахъ; для облегченія кончины ихъ также приподнимаютъ потолочную матицу и тѣла такихъ людей выносятъ не въ дверь, а вытаскиваютъ вонъ *изъ окна*. При повальной болѣзни, мертвецовъ иногда выносятъ *не дверью, а чрезъ окно*; у Мазуровъ, когда у кого умираютъ дѣти и хотятъ прекратить это, то тѣла ихъ выносятъ не въ дверь, а спускаютъ *чрезъ окно*. Эти ослабѣлые остатки древности даютъ намъ нѣкоторое право предполагать въ лѣтописномъ извѣстїи о смерти Владиміра не какуюнибудь случайную черту, но особый погребальный обычай языческой старины. Смыслъ его теменъ: быть можетъ его создала мысль, что мертвецъ, отошедшій изъ царства жизни, не долженъ выходить тѣмъ же путемъ, который служить для прихода и ухода живыхъ; смерть не должна знать семейнаго порога и двери, открывающейся лишь для родныхъ и друзей». Но почему мертвецъ не долженъ выходить тѣмъ же путемъ, которымъ выходятъ живые,—для разъясненія этого вопроса Котляревскій даже не сдѣлалъ попытки...

Къ приведенному толкованію Котляревскаго слѣдуетъ прибавить, что въ другихъ лѣтописяхъ «утаеніе» смерти Владиміра приписывается приказанію Святополка: «Въ лѣто 6523 (1015) Володымеръ готовяшеся на Ярослава сына своего, не вѣдый, яко прійде конецъ живота его; не помнозѣ бо вопадѣ въ болѣзнь велику. И въ то время прійде ему вѣсть, яко Печенѣзы идутъ на Русь; бяху же тогда при немъ два сыны его, Борисъ и Святополкъ. Володымеръ же боленъ сый, не могій самъ пойти противу Печенѣговъ, но посла противу имъ, со всею силою, Бориса сына своего, а Святополкъ оста въ Кіевѣ. Володымеръ же, день отъ дня изнемогая, преставися съ добрымъ исповѣданіемъ въ 15 день мѣсяца іюля, на Берестовомъ, княживъ лѣтъ 35, въ невѣрїи лѣтъ 8, а окрестившися 27 лѣтъ. Святополкъ же, хотя самъ сѣсти на великомъ княженїи кїевскомъ по Володымеру отцу своему, повелѣ танти смерть его; и тоя нощи тай вземъ тѣло его и положи въ церкви Пресвятой Богородици. Но единаче людїе всѣ увѣдаша, иже и собрашася всѣ отъ мала и до велика, и плакахуся по немъ, яко по отцѣ и заступнику. И положиша его честно, съ обычными пѣсньми, въ церкви Пресвятой Богородици, въ гробѣ мраморнѣмъ». Далѣе говорится, что «Святополкъ, по смерти отца своего, сѣде на великомъ княженїи кїевскомъ и умысли танти еще смерть Володымера отца своего, дондеже бы моглъ избити всю братїю нечаянно, а самъ единовластецъ сотворитися въ Руси». ⁴⁾ Это объясненіе представ-

⁴⁾ Пол. Соб. рус. Лѣт. II, стр. 261.

ляется нѣсколько болѣе правдоподобнымъ, но и оно возбуждаетъ сомнѣнія, такъ какъ, очевидно, что если тѣло князя было погребено при многочисленномъ стеченіи народа, то кончина его не могла не сдѣлаться извѣстною, и вѣсть о ней легко могла дойти до братьевъ Святополка, какъ это дѣйствительно и случилось. Съ другой стороны, выраженіе «потанша ѿ» невольно вызываетъ сопоставленіе его съ выраженіемъ «спрятавше», встрѣчающимся позже весьма часто въ лѣтописи при описаніяхъ похоронъ. Такъ о похоронахъ Ярослава говорится: «Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, везоша ѿ Києву,... принесше, положиша ѿ въ рацѣ мороморянѣ, въ церкви святое Софѣѣ»; о мнихъ Исакиѣ: «и братья спрятавшѣ тѣло его и погребоша ѿ»; о Ярополкѣ Изяславичѣ (1170 г.), что, узнавъ о его болѣзни, братъ его Мстиславъ «посла къ игумену Поликарпови и къ Данилови попови своему, веля има ѣхати къ брату Ярополку, река има тако; аще ва Богъ пойметъ брата моего, да спрятавшѣ тѣло его везите же къ святому Феодору»; о Мстиславѣ Ростиславичѣ (1179): «и тако спрятавшѣ тѣло его, съ честью и съ благохвальными пѣснями и съ кадилами благоуханными... и положиша тѣло его въ той же гробниці, идѣже лежитъ Володимеръ, сынъ великаго князя Ярослава Володимерича»; о Романѣ Ростиславичѣ (1180): «и спрятавшѣ тѣло его епископъ Константинъ, игумени вси, съ благохвальными пѣснями и съ кандѣлы благоуханными, положиша тѣло его въ святѣй Богородици. И плакашася по немъ вси смолянѣ, паче же и сынове его плакахуся... и послѣднюю службу створше родителю своему, опятавшѣ тѣло его, вложиша въ гробъ» и т. п. ⁵⁾ Нельзя-ли предположить, что выраженіе «потанша ѿ» могло употребляться иногда въ смыслѣ «спрятавше» и что слова «бѣ бо Святополкъ Києвѣ» были прибавлены уже впоследствии для объясненія утратившаго свой прежній смыслъ выраженія; этимъ могли-бы изъясняться различія въ истолкованіи цѣли и инициативы «потаненія», о которомъ притомъ въ другихъ источникахъ (лѣтописяхъ и житіяхъ) и совершенно умалчивается. ⁶⁾ Лингвисты доказываютъ однако, что слова «таити», «потанити» являются въ славянскихъ языкахъ со значеніемъ — «скрывать» или въ переносномъ отсюда (словенск. *tajiti* — *leugnen*), тогда какъ первоначальное значеніе *прятати* было «связывать».

Любопытно, что во всѣхъ только что приведенныхъ извѣстіяхъ нигдѣ не упоминается о выносѣ тѣла въ гробу, и подъ гробомъ разумѣется могила или гробница въ церкви, иногда мраморная, иногда вмѣстившая уже въ себѣ ранѣе останки другаго лица, такъ что подъ «спря-

⁵⁾ Полн. Соб. рус. Лѣт. I. стр. 70, 85, 88; II. стр. 10, 22, 29, 74, 91, 98, 102, 121, 123, 144 и друг. Интересно сопоставить также извѣстіе о Татарахъ путешественника XIII в. Плано Карпини, который говоритъ, что знатный татаринъ выносился изъ жилища и погребался всегда скрытно (*sepelitur occulto*) см. «Путешеств. къ татарамъ» Спб. 1825. Плано Карпини, стр. 94—95.

⁶⁾ Въ словарь Дала: «спрятать, убрать, сохранить; скрыть, схоронить, *по(у)таить*. Спрятать, старин.—опрятать, обмытъ, одѣть, убрать».

таніємъ» («опрятаніємъ») слѣдуетъ очевидно разумѣть въ этомъ случаѣ—обертываніе и увязываніе тѣла въ «коверь», полстину, корзно (плащъ) и т. п., подобно тому, какъ это и говорится о князѣ Владимірѣ. Слово «коверь» впрочемъ могло означать и не коверъ въ современномъ его смыслѣ, а просто толстую, тканую полсть, войлокъ или одѣяло ⁷⁾. Изъ описанія лѣтописца видно, что обернувши тѣло въ «коверь», перевязывали его «ужами» (веревками), за свѣсившіеся концы которыхъ и брали, вѣроятно, трупъ при его переносѣ и опусканіи въ могилу. Выраженіе «спрятать» тѣло имѣло первоначально смыслъ по преимуществу увязыванія его ужами, веревками, въ извѣстную оболочку ⁸⁾.

Какъ извѣстно, перевязываніе умершихъ было весьма распространено, не только на Востокѣ, напримѣръ въ Египтѣ (гдѣ муміи обертывались широкими полотняными лентами, длина которыхъ доходила до сотенъ футовъ), въ Палестинѣ и т. д.; но и у многихъ другихъ, культурныхъ и первобытныхъ народовъ. Такъ многія индѣйскія племена Америки обертываютъ и теперь еще своихъ покойниковъ въ шерстяныя одѣяла, перевязываютъ ихъ веревками или ремнями и такъ несутъ или везутъ на мѣсто погребенія. Древнія перуанскія муміи (такъ же какъ и находимыя на сѣверо-западныхъ берегахъ Сѣверной Америки) всѣ приведены въ сидящее (съ подведенными къ туловищу ногами) положеніе, обернуты тканями и перевязаны веревками. Первобытные Австраліицы, именно тѣ племена ихъ, которыя практикуютъ погребеніе труповъ или выставленіе ихъ на особыхъ подмосткахъ, также обертываютъ умершаго въ шкуры опоссума и затѣмъ крѣпко его перевязываютъ. Сибирскіе инородцы—звѣроловы (Тунгусы и друг.) заворачиваютъ трупъ въ звѣриныя шкуры, связываютъ ремнями и въ такомъ видѣ ставятъ его на возвышенный помостъ или, какъ теперь

⁷⁾ Когда былъ убитъ Андрей Боголюбскій и тѣло его было выброшено на огородъ, то одинъ кіевлянинъ Кузмище, жалѣя о князѣ, просилъ убійцу, ключника Амбала, о прикрытіи трупа: «сверзи коверъ-ли что-ли, что постылати или чимъ прикрыти господина нашего», и Амбалъ, сначала отказавшій въ томъ, наконецъ «сверже коверъ и корзно», и Кузмище «обертѣвъ ѣ и несе ѣ въ церковь, .. прикрывъ ѣ корзномъ». П. С. Р. Л. II, стр. 114—115.— Слово «коверь» толкуется въ словарѣ Даля какъ «толстая тканая полсть, полстина; узорчатая, обычно шерстяная подкладка». *Ковѣра* въ Курской губ. употребляется въ значеніи одѣяла. — Впрочемъ и настоящіе ковры были довольно распространены у Норманновъ, которые вели ими значительную торговлю. (*Weingold, Altnordisches Leben*). Одѣваніе и положеніе покойника въ гробъ еще въ началѣ XVIII в. называлось официально «скутаніемъ и «окутываніемъ». См. «Матеріалы для исторіи Москвы», изд. подъ руковод. Забѣлина, I. стр. 1083.

⁸⁾ Слово *помаати*—въ церковно-славянскомъ языкѣ Миклошичъ переводить—*abscondere, celare*. *Сѣ*—*пратати* въ церковно-славянскихъ текстахъ, по Миклошичу, имѣетъ значенія: *contrahere, supprimere, sedare, componere ad sepulturam, deponere*. По мнѣнію Ф. О. Фортунатова, наиболѣе основное значеніе славянскаго *пратати*, должно быть «связывать» или «стягивать». Въ письмѣ ко мнѣ по поводу исторіи значенія этого слова Ф. О. предлагаетъ, между прочимъ, сравнить значенія латинскаго *componere*: «складывать, соединять», связывать, составлять, сочинять, приводить въ порядѣкъ, оправлять, выставлать» (о тѣлѣ умершаго) и т. д., а также сравнить, напримѣръ, различныя значенія нашего «прибирать».

чаще, хоронять въ землѣ. Обыкновеніе класть покойника въ гробъ, — замѣчаетъ Котляревскій, — не было, кажется, непремѣннымъ обычаемъ славянскаго язычества; на это указываетъ и переносное значеніе слова «гробъ», собственно вырытое мѣсто, готск. *graban*, лит. *grabas*, могильная комната, потомъ переносно. — ящикъ, въ которомъ хоронять мертвеца; въ первомъ значеніи слово часто встрѣчается въ древне-русскомъ языкѣ и въ нынѣшнемъ малорусскомъ. Въ смыслѣ погребальнаго ящика значеніе слова, несомнѣнно, не древнее; это подтверждается и тѣмъ, что у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, напримѣръ — Болгаръ, тѣло еще въ недавнее время опускалось прямо въ землю; равнымъ образомъ нѣтъ гробовъ (по Караджичу) и въ Черногоріи, но простыя доски, которыми обставляется тѣло покойника. «Такъ точно было и на Руси уже по принятіи христіанства; тѣло обертывалось въ лубъ, отчего гробъ вообще назывался *корстой* (мощи Никиты Переяславскаго были найдены «въ берести»). Покойникъ, который сожигался, не имѣлъ нужды въ гробѣ, не имѣлъ въ томъ особой нужды и погребаемый; его, какъ свидѣтельствуя Ибнъ-Доста, Массуди и множество могилъ, прямо могли полагать въ могильную комнату. Тѣмъ не менѣе, у языческихъ Славянъ были, кажется, въ употребленіи и особаго рода гробы въ видѣ пустыхъ выдолбленныхъ колодъ, въ которыя прятали мертвеца». ⁹⁾ Не касаясь вопроса о колодахъ, о которыхъ намъ придется говорить въ другомъ отдѣлѣ настоящей статьи, замѣтимъ, что переносный деревянный гробъ вошелъ, повидимому, въ употребленіе, сравнительно у немногихъ народовъ и лишь въ позднѣйшее время получилъ болѣе широкое распространеніе. Переноснаго гроба нѣтъ у Австралійцевъ, Папуасовъ, Индѣйцевъ, Негровъ и многихъ азіатскихъ народовъ; его не было у древнихъ Грековъ; у Римлянъ онъ вошелъ въ употребленіе, по крайней мѣрѣ у высшихъ классовъ, также сравнительно поздно; даже въ Германіи, еще въ прошломъ столѣтіи, мѣсто гроба занималъ нерѣдко пеньковый мѣшокъ или бѣлый оберточный холстъ. Въ городѣ Равенсбургѣ, еще въ 1742 г. трупъ зашивался въ холстъ, относился на кладбище на общественныхъ носилкахъ, тамъ снимался съ нихъ и клался въ могилу. Въ Цюрихскомъ кантонѣ существовалъ такой же обычай: тѣло зашивалось до лица въ холстъ и переносилось на кладбище на скамѣ, безъ гроба, даже въ городѣ ¹⁰⁾. Въ Россіи многіе инородцы: Лопари, Самоѣды, Остяки, Черемисы, Чуваши, Вотяки, Татары, Киргизы — хоронили до недавняго времени своихъ покойниковъ безъ гроба, обкладывая только ихъ въ могилѣ берестой или досками, а нѣкоторые поступаютъ такъ еще и

⁹⁾ Котляревскій, 1. с. стр. 218. Слово *керста* употребляется еще и теперь въ Архангельской губ. (Онежск. у.) въ смыслѣ могилы. «Ходила на керсту». См. «Опытъ областного великорусскаго словаря». Спб. 1852, стр. 82. У Вотяковъ гробъ называется *когос*; прежде Вотяки хоронили въ берестѣ. «Корстою» называлась иногда и мраморная гробница. Такъ, о тѣлѣ Влаліміра сказано: «и вложиша ѣ въ *корѣсту* мраморяну».

¹⁰⁾ *Rochholz*, Deutscher Glaube und Brauch B. 1867. I. S. 193.

теперь ¹¹⁾. Собственно у Русскихъ, по крайней мѣрѣ у высшихъ классовъ, деревянный переносный гробъ вошелъ въ употребленіе также, по видимому, поздно, и даже тѣло в. к. Василя Ивановича († 1534) было несено въ церковь на одрѣ и лишь по отпѣваніи опущено въ каменную гробницу ¹²⁾. Даже въ XVII в., когда гробъ сталъ составлять неизбѣжный атрибутъ похоронъ, онъ употреблялся иногда только какъ временный пріемникъ тѣла, для отнесенія его въ церковь, гдѣ, послѣ отпѣванія, тѣло снова вынималось и опускалось уже въ каменную гробницу, которая за тѣмъ закрывалась плитой и задѣлывалась. Такъ поступали именно съ тѣлами патріарховъ въ Москвѣ, причемъ относительно патріарха Іоасафа есть свѣдѣніе, что временный деревянный гробъ его царь Михаилъ Федоровичъ приказалъ поставить (послѣ погребенія тѣла) на соборную колокольню подъ большой колоколъ ¹³⁾.

¹¹⁾ По словамъ Миллера («Описаніе живущихъ въ Казан. губ. языческихъ народовъ, яко то Черемисъ, Чувашъ и Вотьяковъ». Спб. 1791) — «Черемисы и Чуваша кладутъ умершихъ въ могилу между двумя досками и сверхъ оныхъ покрываютъ еще доскою»; «Вотьяки погребаютъ умершихъ въ ихъ платѣ, обернувши берестами». — Георги говоритъ объ отсутствіи гробовъ у Лопарей, Вотьяковъ, Вогуловъ, Татаръ, Мордвы и др. Гробъ еще и нынѣ не употребляется у многихъ урало-алтайскихъ народностей, у Тунгузовъ, Самоѣдовъ, Калмыковъ, у Черемисовъ Оренбур. губ., (*Черемшанскій*, Описаніе Оренб. губ. Уфа 1859, стр. 191) у Черемисовъ Красноуфимскаго у. Пермс. губ., у нѣкоторыхъ Вотьяковъ и т. д. По словамъ Островскаго: «въ старину Вотьяки хоронили покойниковъ, какъ и Татары, безъ гробовъ. Но такъ какъ крещенные подвергались за это преслѣдованію, то обыкновенно употреблялась хитрость: на кладбище приносили покойника въ гробу, но гробъ сколачивался такъ, что когда покойника опускали въ могилу, то доски распадались сами собою, и мертвое тѣло опускалось въ одной одеждѣ; доски же ставились въ сторонѣ до слѣдующаго покойника. См. *Островскій*, Вотьяки Казан. губ. Каз. 1874, стр. 40.

¹²⁾ Это видно изъ соотвѣтственной миниатюры, изображающей похоронное шествіе и приложенной къ рукописной «Царственной Книгѣ», въ Синодальной библіотекѣ.

¹³⁾ Въ выпискахъ изъ дѣлъ Патріаршаго Приказа, изд. въ «Матеріалахъ для исторіи, археологіи и статистики Москвы», собр. В. и Г. Холмогоровыми, подъ рук. И. Е. Забѣлина, находимъ, между прочимъ, слѣдующія свѣденія (въ расходныхъ книгахъ): 1) «Геннаря 1 (1641 г.), соборныя церкви Успенія Пр. Богородицы, сторожамъ Сенькѣ Омелянову съ товарищи за гробъ дубовый, въ чемъ св. патріархъ (Іоасафъ) вынесенъ въ соборъ и изъ того гроба переложень въ каменный гробъ, имъ 2 руб.; а тотъ гробъ по государену указу велѣно поставить въ колокольницу, подъ большой колоколъ. 2) «198 г. марта въ 17 день (1689 г.)... подъячему Тимофею Васильеву, что онъ купилъ къ погребенію ковчегъ дубовый, сирѣчь гробъ, въ чемъ было положено тѣло святѣйшаго патріарха Іоакима и несено до каменнаго гроба его, и въ соборной церкви изъ того ковчегъ тѣло его переложено въ гробъ каменный, безъ деревяннаго ковчегъ, и за тотъ деревянный ковчегъ 2 руб.» Послѣдній патріархъ, Адріанъ, былъ однако уже опущенъ въ могилу вмѣстѣ съ гробомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая записка: 3) «1700 г. октябрю въ 15 день тѣло... св. Киръ-Адріана скутано и положено въ гробъ, а на окутаніе его св. патріарха тѣла въ гробъ выдано бархату зеленого гладкаго одинакова 6 аршинъ; и тотъ бархатъ сшить въ два полотнища и посланъ въ гробу сверхъ тафтиннаго тофяка, и положено въ томъ бархатѣ тѣло св. патріарха. Дл на обивку одра и рукоятокъ, на которомъ въ церковь вынесено тѣло св. патріарха, выдано бархату чернаго гладкаго одинакова 13 арш. съ 1/4... И октябрю въ 17 день, въ четвертокъ

Относительно «приманія помоста» для выноса тѣла приведенное выше замѣчаніе Котляревскаго нуждается въ пополненіи. Обычай вынесенія трупа не черезъ дверь, а чрезъ особое, нарочно продѣланное отверстіе, несомнѣнно, весьма древній и существовалъ не у однихъ только германскихъ и славянскихъ народовъ. Мы встрѣчаемъ его еще и теперь въ различныхъ частяхъ свѣта и у многихъ первобытныхъ и варварскихъ племенъ. Обдорскіе Самоѣды, напримѣръ, не выносятъ трупъ изъ чума чрезъ то отверстіе, въ которое входятъ живые, *а раскрываютъ чумъ съ противоположной стороны на столько, чтобы можно было вытащить потомъ мертвеца*, кладутъ его въ гробъ, сколоченный изъ досокъ, лицо мертвому и вообще голову зашиваютъ въ сукно, въ гробъ кладутъ всѣ принадлежности мертвеца, которыя были необходимы ему при жизни... и въ такомъ видѣ уносятъ гробъ на кладбище» ¹⁴). Архангельскіе Самоѣды—*«раздираютъ чумовое покрывало въ толъ лѣстъ, противъ котораго лежитъ покойникъ и переламываютъ шесты, на которыхъ оно держится, выносятъ въ это отверстіе покойника*, одѣваютъ его въ ту одежду, которую онъ при жизни носилъ и завертываютъ въ оленью шкуру» ¹⁵). Подобнымъ же образомъ поступаютъ и Енисейскіе (Туруханскіе) Самоѣды, а равно и другіе инородцы того же края, — Остяки, Юраки, Тунгузы по описанію Третьякова ¹⁶). «Когда въ семьѣ Самоѣда кто-либо умретъ, то картина отчаянія бываетъ, по истинѣ, самая печальная. Не довѣряя своимъ глазамъ, покойника, «бодырьбу», сначала трясутъ, приподнимаютъ и крикомъ стараются вызвать къ жизни: на всѣхъ лицахъ виднѣнъ ужасъ, и вскорѣ все жилище оглашается воплями. Наконецъ, умершаго обмываютъ, одѣваютъ въ лучшую одежду..., на глаза накладываютъ повязку съ двумя корольками (бусами) и, обернувъ тѣло оленьими шкурами, зашиваютъ въ холстъ или одѣяло. *Выносятъ покойника не въ дверь, а по направленію головы; въ моментъ его смерти для того въ толъ лѣстъ разбираютъ чумъ*». Юраки, «прикрывъ сомкнутые глаза покойника лоскутомъ ровдуги (замши), на которомъ нашиты два королька, одѣваютъ его въ лучшее платье, по-

послѣ божественныя литургіи и по отпѣваніи во соборной церкви Успенія Пр. Богородицы св. патріархъ въ деревянномъ гробѣ и съ зеленымъ бархатомъ со всѣмъ опущенъ въ каменную гробницу; а со одра и съ гробовой покрывки черный бархатъ снять долой»... См. «Матеріалы», стр. 1055, 1063, 1083.—По словамъ Георги, у Казанскихъ и Оренбургскихъ Татаръ «умершаго несутъ къ могилѣ во гробѣ, головою впередъ, а въ могилу опускается безъ гроба». По Фуксу («Казанскіе Татары» Каз. 1844, стр. 73) «покойника кладутъ на лубокъ и на плечахъ выносятъ изъ дома... Во могилѣ дѣлается боковая ниша, въ которую тѣло, снявъ съ лубка, кладутъ на правый бокъ, лицомъ къ Меккѣ.

¹⁴) Кушелевскій, Сѣверный Полюсъ и земля Ямалъ. Сиб. 1868, стр. 119. Обычай класть въ гробъ, повидимому, заимствованъ у Русскихъ. Другія племена Самоѣдовъ гроба не знаютъ.

¹⁵) Иславинъ, Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. Сиб. 1847, стр. 135 и 136.

¹⁶) Третьяковъ, Туруханскій край, его природа и жители. Сиб. 1871, стр. 168, 177, 184, 189.

крываютъ оленьими шкурами и, увязавъ плетеными ремнями, *выносятъ погали впередъ въ особое отверстіе, сдѣланное въ чуль*. У Тунгузовъ, «какъ скоро кто померъ, *чуль немедленно съ одной стороны раскрывается и въ снятый пюкъ* (верхняя крышка чума изъ оленьихъ шкуръ) *защищаютъ покойника* въ томъ самомъ платѣ, въ которомъ онъ померъ, и кладутъ на лабазъ, устроенный между двухъ или трехъ деревьевъ въ сажень отъ земли; на этомъ помостѣ при покойникѣ кладутъ принадлежащія ему вещи... и затѣмъ трупъ обставляютъ досками на подобіе гроба». У Енисейскихъ Остяковъ, *умершій выносится не дверью, а въ особое отверстіе, сдѣланное въ чуль* и кладется на лабазъ, устраиваемый какъ у Тунгузовъ. У Маньзовъ (Вогуловъ) *«тѣло умершаго выносится не черезъ дверь, а чрезъ окно или чрезъ особое отверстіе, нарочно прорѣзанное, если покойникъ находится въ чулу»* ¹⁷⁾. Съ тѣмъ же обычаемъ мы встрѣчаемся и въ Америкѣ, у Эскимосовъ и различныхъ племенъ Индѣйцевъ. Такъ, Оджибвеи и Алгонкинцы *выносятъ своихъ покойниковъ не черезъ дверь, а чрезъ нарочно проломанное отверстіе въ стѣну (или крышу) вигвала* ¹⁸⁾. У нѣкоторыхъ племенъ Эскимосовъ, когда больной находится при смерти, строятъ наскоро шалашъ, снабжаютъ его ночникомъ, провизіей и другими необходимыми предметами и переносятъ въ него умирающаго, но *не черезъ дверь, а чрезъ проломъ въ стѣну*, и оставляютъ его тамъ умирать одного ¹⁹⁾. У другихъ племенъ Эскимосовъ (въ Гренландіи), по словамъ Кранца, умершій вытаскивался изъ зимняго жилища *чрезъ окно*, а изъ лѣтняго чума *чрезъ разборъ его крыши*. За покойникомъ шла старуха, махая зажженной лучиной и крича—«пиклеррукпокъ», что значитъ «здѣсь для тебя ничего нѣтъ» ²⁰⁾. О похоронахъ одного вождя Индѣйцевъ-Тлинкитовъ (въ бывшей Русской Америкѣ), практикующихъ еще и теперь сожженіе труповъ, корреспондентъ газеты «New-York Herald» сообщалъ недавно слѣдующее ²¹⁾. «Трупъ былъ разукрашенъ по праздничному и помѣщенъ въ сидячемъ положеніи у середины задней стѣны его дома. На головѣ его была деревянная шляпа съ вырѣзанными на ней изображеніями вороновъ, лице его было раскрашено, вокругъ тѣла обернуто шерстяное одѣяло, украшенное пуговицами. На колѣняхъ трупа были положены два красивыхъ коврика индѣйской работы, а на нихъ пачка рекомендательныхъ писемъ, присланныхъ покойному въ разное время мѣстнымъ начальникомъ и другими болѣе

¹⁷⁾ Рукописное свѣдѣніе, полученное мною отъ Н. Л. Гондатти; у Лопарей въ прежнее время также практиковался обычай — выносить покойника чрезъ отверстіе, проделанное въ стѣнѣ напротивъ двери.

¹⁸⁾ Waitz, Anthropologie der Naturvölker. III. S. 199. Вайцъ почему-то считаетъ этотъ обычай «вѣроятно новымъ» (wahrscheinlich neue), повидимому, безъ достаточныхъ основаній. Извѣстно, что онъ существовалъ ужъ у древнихъ Караибовъ.

¹⁹⁾ Wood, the Natural History of Man. II. L. 1870, p. 719.

²⁰⁾ Crantz, Beschreibung von Grönland. I, S. 300.

²¹⁾ «New-York Herald» 1881, 16 Апрѣля; см. Krause, Die Tlinkit Indianer. Jena. 1885. S. 225.

важными бѣлыми, и кинжалъ въ ножнахъ, украшенныхъ рѣзьбою. По одну сторону отъ покойника были выставлены его сокровища, состоявшія большей частью изъ шерстяныхъ одѣялъ и ковровъ; по другую сторону, завернувшись въ одѣяло, сидѣла его жена; она не могла говорить ни съ кѣмъ въ теченіе восьми дней послѣ смерти мужа. Передъ сожженіемъ трупъ *была разобрана часть задней стѣны дома и трупъ былъ вынесенъ чрезъ образованное такимъ образомъ отверстіе*, въ сопровожденіи живой собаки, которая, по понятіямъ Индѣйцевъ, должна унести съ собою всякій слѣдъ болѣзни, произведшей смерть». Трупъ былъ положенъ на костеръ изъ кедровыхъ полѣнцевъ, устроенный въ видѣ квадратнаго сруба, внутрь котораго и опустили покойника на шерстяной коверъ, а сверху покрыли другими полѣньями. Во время горѣнія костра десять Индѣйцевъ колотили въ тактъ палками по доскѣ; родственники сидѣли въ это время на корточкахъ, обратившись къ огню спиною. Сожженіе сопровождалось раздачей подарковъ, а пещель былъ собранъ въ одѣяло и положенъ въ небольшой деревянный ящикъ.—Наконецъ, то же обыкновеніе выносить покойника не обычнымъ ходомъ, а чрезъ особое отверстіе, было констатировано и въ Африкѣ,— у Готтентотовъ, Бушменовъ, Бечуановъ, Кимбунда и другихъ негритявскихъ племенъ (при чемъ въ области р. Конго былъ подмѣченъ обычай, что трупъ выбрасывался чрезъ отверстіе въ крышѣ), а равно существуетъ и въ Полинезій, напр. на островахъ Фиджи²²), также въ Индіи, въ странѣ Лаосъ, на островѣ Бали, у Сіамцевъ (которые, кромѣ того, трижды обносятъ бѣгомъ покойника вокругъ жилища), а ранѣе — въ Тибетѣ и въ Китаѣ. По словамъ путешественника XIII в. Марко Поло, въ странѣ Тангутъ (Тибетѣ, гдѣ господствовалъ уже буддизмъ) существовали замѣчательные похоронные обряды, предшествовавшіе сожженію трупъ. Между прочимъ, говоритъ Марко Поло, «иногда звѣздоцеты объявляютъ роднымъ, что тѣло нельзя выносить изъ дома черезъ главную дверь... и что должно выносить его съ другой стороны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они даже заставляютъ родныхъ *проламывать стѣну* прямо противъ благопріятной и благодѣтельной планеты и выносить покойника черезъ это отверстіе, представляя имъ, что если не сдѣлаютъ такъ, духъ покойника разсердится на свою семью и станетъ дѣлать ей зло». Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, очевидно, съ древнимъ обычаемъ, нѣсколько видоизмѣнившимся подъ вліяніемъ буддизма. Относительно Китая извѣстно изъ свѣдѣній, собранныхъ въ прошломъ столѣтіи іезуитами, что ранѣе, для выноса богдыхановъ и ихъ женъ открывались во дворцѣ новыя двери, но что одинъ богдыханъ измѣнилъ потомъ этотъ обычай, который сохранился еще въ болѣе отдаленныхъ провинціяхъ. Въ настоящее

²² Относительно Готтентотовъ см. *Bastian Der Mensch in der Geschichte* L. 1869. II. S. 322—323; о другихъ африканскихъ народахъ — *Тайлоръ*, Первооб. Культура II, 104. У негровъ Бамбарра, по словамъ Риффенеля, тѣло короля, хотя выносятся изъ дворца и черезъ двери, но двери эти послѣ того закладываются камнемъ, см. *Waitz, Antropologie* II, 199. О племенахъ Конго; см. *J. Liebrecht, Zur Volkskunde*. 1879. S. 372.

время у Китайцевъ практикуется обрядъ — пробивать отверстіе въ крышѣ, при отходѣ умирающаго, для облегченія выхода изъ дома его души ²³⁾.

Въ Европѣ обычай выношенія покойника чрезъ проломъ существовалъ у древнихъ Скандинавовъ, у которыхъ, по Вейнгольду, «умершаго нельзя было выносить въ двери, чрезъ которыя входили и выходили живущіе; для этого требовался проломъ стѣны, приходившейся за головой покойника, или же прорытіе отверстія подъ южной стѣной, чрезъ которое и вытаскивался трупъ. Повидимому, замѣчаетъ Вейнгольдъ, — это былъ обычай, общій для всѣхъ Германцевъ, такъ какъ мы встрѣчаемъ его еще и теперь въ Верхней и Нижней Германіи, въ примѣненіи къ трупамъ преступниковъ и самоубійцъ, которые вытаскиваются чрезъ проломъ въ стѣнѣ или чрезъ дыру подъ порогомъ. Но теперь такой обычай служить позоромъ и примѣняется лишь къ трупамъ, считаемымъ нечистыми; въ древнія же времена, когда всякій умершій возбуждалъ страхъ; одинъ и тотъ же обычай прилагался ко всѣмъ» ²⁴⁾. Къ даннымъ Вейнгольда слѣдуетъ прибавить собранныя Рогхольцемъ, изъ которыхъ видно, что кромѣ преступниковъ и самоубійцъ, необычнымъ путемъ вытаскивались также изъ жилья трупы еретиковъ, ростовщиковъ, вообще лицъ возбуждившихъ ненависть и презрѣніе. Въ началѣ прошлаго столѣтія, когда на островахъ Швеціи свирѣпствовала чума, народъ разбивалъ окна въ домахъ умершихъ, разбиралъ простѣнки и вытаскивалъ трупы баграми чрезъ образованныя такимъ образомъ отверстія. Съ возведеніемъ болѣе прочныхъ построекъ изъ камня, продѣлываніе отверстія стало однако трудно выполнимымъ и его стали замѣнять вытаскиваніемъ чрезъ окно или чрезъ особыя двери. По словамъ де-Губернатиса, въ нѣкоторыхъ городахъ средней Италіи, напр. въ Перуджіи и Ассизи, (такъ же какъ въ одномъ селеніи близъ Амстердама) можно видѣть еще и теперь почти въ каждомъ домѣ особыя выходы и двери для выноса умершихъ ²⁵⁾. — Въ виду всего изложеннаго, «приниманіе помоста» для выноса тѣла

²³⁾ *Tailorъ*, Первоб. Культура, II, стр. 103; *Frazer*, On Certain Burial Customs, въ «Journal of the Anthr. Institute». XV, 1. 1885, p. 70; *Bastian*, Beiträge zur vergl. Psychologie. Die Seele. S. 15; *Марко Поло*, рус. пер. Шемякина, стр. 145—146. Въ Лаосѣ такъ поступали только съ тѣлами беременныхъ женщинъ.

²⁴⁾ *Weinhold*, Altnordisches Leben. B. 1856. S. 476.

²⁵⁾ *Rochholz*, Deutscher Glaube und Brauch. B. 1867. II, S. 171. ff. Съ приведеннымъ обычаемъ слѣдуетъ сопоставить еще слѣдующіе. Въ Люцернѣ капуцины выгоняли духовъ изъ дома тѣмъ, что протыкали палку подъ порогъ и тѣмъ давали имъ выходъ. У Монголовъ, по Плано Карпини, считалось грѣхомъ, если кто возьметъ въ ротъ кусокъ и, не будучи въ состояніи его проглотить, выброситъ вонъ; такого вытаскивали чрезъ отверстіе подъ ставкою и убивали безъ милосердія» (... si alicui morsus imponitur, et deglutire non potest et de ore suo eicit eum, fit foramen sub statione, et extrahunt per illud foramen et sine ulla misericordia occiduntur». См. «Путеш. къ Татарамъ», изд. Языкова 1825, стр. 90—91. У Римлянъ былъ обычай, что если кто возвращался изъ путешествія, признанный, вслѣдствіе невѣрныхъ слуховъ, уже умершимъ, то онъ долженъ былъ входить въ домъ не чрезъ двери, а чрезъ отверстіе въ крышѣ (per impluvium; Plutarch. Quaest. Rom. V; impluvium или compluvium открывался въ atrium, а atrium первоначально былъ и столовой и кухней вмѣстѣ, такъ,

великаго князя Владиміра было очевидно, выраженіемъ того же общаго стародавняго обычая, слѣды котораго сохранились еще и до сихъ поръ какъ у многихъ дикарей, такъ и у германскихъ и славянскихъ народностей.

Обычай, нѣкогда имѣвшій, а отчасти еще и теперь имѣющій столь широкое распространеніе, очевидно, долженъ же былъ на чемъ нибудь основываться, и разъясненіе его надо искать, конечно, въ понятіяхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ онъ еще сохранился. Готтентоты говорятъ, что они не выносятъ покойника черезъ дверь (чрезъ обыкновенный низкій входъ въ ихъ полукруглый шалашъ) для того, чтобы умершій забылъ, такъ сказать, обратный путь и не могъ найти, еслибъ вздумалъ возвратиться, дорогу въ жилище. Обитатели Конго объясняли свой странный, приведенный выше, обычай тѣмъ, что помощью такой процедуры душа умершаго не можетъ сдѣлаться «зомби», т. е. не въ со-

что *compluvium* соотвѣтствовалъ въ древности дымовой трубѣ). Рогхольцъ объясняетъ этотъ обычай тѣмъ, что недалеко отъ двери стояли домашніе боги, Лары, съ которыми отъѣзжавшій прощался и просилъ ихъ о помощи для благополучнаго возвращенія. Но въ данномъ случаѣ Лары оказывались какъ-бы обманутыми, вслѣдствіе чего считавшійся мертвымъ не долженъ былъ появляться предъ ними безъ нѣкотораго искупленія. Проще объяснять такъ, что если человѣкъ былъ признанъ умершимъ, если его можетъ быть даже похоронили заочно (такой обычай существуетъ у многихъ народовъ), то онъ долженъ былъ считаться мертвымъ и не могъ войти въ домъ тѣмъ ходомъ, которымъ входили живые, а долженъ былъ проникать другимъ путемъ, и именно тѣмъ, чрезъ который выходитъ, по преимуществу, душа умершаго,—чрезъ отверстіе въ крышѣ. Интересно, что такой же обычай практикуется еще и теперь въ Персіи, и ему долженъ былъ подвергнуться даже европейскій изслѣдователь, Бругинъ, возвратившійся послѣ долгаго отсутствія, въ теченіи котораго его считали умершимъ. Судя по одному свидѣтельству Агаѳіа (Agathias, II. 23.) обычай этотъ существовалъ въ Персіи уже въ VI вѣкѣ. Въ Германіи существуетъ другой, не менѣе любопытный обычай: изъ дома, гдѣ дѣти умирали и были выносимы чрезъ двери, новорожденныхъ выносятъ для крещенія чрезъ окно для того, чтобы такъ сказать предохранить ихъ отъ преждевременнаго выноса чрезъ порогъ, въ гробу.— Въ Римѣ были особые ворота для выноса покойниковъ (какъ и теперь еще въ городахъ Бирмы), и только въ знакъ особой почести сенатъ разрѣшалъ проходить похоронной процессіи чрезъ *porta triumphalis*. Любопытенъ еще одинъ обычай, соблюдающійся кое-гдѣ въ Галиціи при свадьбѣ: третій мужъ, возвращаясь съ вѣнца, долженъ входить въ домъ чрезъ окно. (Kolberg). «Народныя русскія сказки доселѣ сохраняютъ воспоминаніе о томъ, что мертвые вытаскивались иногда чрезъ отверстіе, прорытое подъ порогомъ», См. *Афанасьева*. «Для Археологіи русскаго быта» въ «Древностяхъ» I, стр. 40 и его же «Нар. рус. сказки» вып. VI, № 66. Въ этой сказкѣ разсказывается, какъ «нечистый» явился къ одной дѣвушкѣ Марусѣ въ видѣ красиваго богатаго парня, какъ онъ уморилъ затѣмъ ее отца и мать и сказалъ ей, что она и сама умретъ. Тогда Маруся идетъ совѣтоваться къ слѣпой «старой бабункѣ», и та говоритъ ей: «ступай скорѣй къ попу, попроси его: коли ты померишь, чтобы вырыли подъ порогомъ яму, да несли бы тебя изъ избы не въ двери, а протащили бы сквозъ то отверстіе; да еще попроси, чтобы похоронили тебя на перекресткѣ... «Вынесли Марусю подъ порогомъ, схоронили на раздорожьи». На могилѣ ея выросъ цвѣтокъ, онъ превратился снова въ Марусю, которая, послѣ нѣкоторыхъ новыхъ козней «нечистаго», наконецъ одолѣла его и стала жить счастливо замужемъ. — При кончинѣ папъ въ Римѣ, тѣло папы выносится чрезъ особую дверь, которая затѣмъ запирается до выноса его преемника. См. *Frazer*, I. c. p. 70.